

*Благодарность:
Юрию Мелисову — без тебя замысел
этой книги не появился бы*

*Айрис Гамильтон — за удивительное
понимание и волшебные стихи,
заставившие героев говорить о самом
сокровенном*

*Ежу — за концепцию карты Виарена,
программу обучения в Академии,
историческую хронологию и байки
из жизни жрецов*

*MarikaSun — за безбашенность,
легкость и необходимую в работе долю
безумия*

ПРОЛОГ

Я отпускаю прошлое —
Силы придут, когда не ждешь.
Я отпускаю прошлое,
Что потерял, то не вернешь.
Пусть обернется печаль водой —
Мертвою и живой.
Я разбегаюсь к пропасти...
Что меня ждет там, за чертой?

Сергей Маврин. За чертой

Этот лес был темным и мрачным, и старым, очень старым. Могучие деревья с узловатыми толстыми ветвями, с которых свешивались серые полотнища паутины, нависали над тропой, и приходилось быть предельно внимательной, чтобы случайный сучок не попал в глаза. К тому же корни лесных великанов так пропахали землю, что она вспучилась во многих местах. Ослабишь бдительность — и, растянувшись, наглотаешься сырого мха...

С трудом перебравшись через очередной горбыль, Эльдалин остановилась и вытерла пот со лба. Вороной Арелат весь дрожал и жался к ней: его пугала сгустившаяся между корявых стволов темнота. Созданный девушкой шарик света парил впереди, но тьму рассеивал плохо, едва позволяя разглядеть тропу. Эльдалин не собиралась брать с собой коня: для него ходить по корням — только ноги ломать, но ведь лес когда-нибудь закончится, а там путешествовать верхом будет куда удобнее.

Скорее всего, ее уже ищут: наверняка отец послал за ней лучших воинов. Они знают, что кроме чащи ей некуда было деваться, но здесь найти принцессу никому не под силу. По словам наставника Итиола, в этом лесу всегда темно: ни солнечные, ни тем более лунные лучи не могут пробиться сквозь плотную завесу листвы. Вот сегодня, например, небо было ясным, по крайней мере когда она заходила в лес, но ни один лунный блик не упал на тропу. Темнота и тишина, жуткая, пугающая... Может, лучше вернуться?

Нет, ни за что! Вернуться — значит быть похороненной заживо в замке, полном холодных зеркал, в которых томился в плену пойманный *амдарами* свет. Если король не пожалел свою дочь, принуждая ее к браку с убийцей единственного сына, неужели он пожалеет ее после того, как она сбежала, послушавшись его приказа? Нет, лучше уж лес! Сюда за ней не последует даже Триан...

Молодая *амдари* содрогнулась, вспомнив холодную улыбку и жестокие глаза главного королевского советника. Она ему не доверяла и боялась его, хотя он всегда был любезен. Его же сын Вильма постоянно оказывал принцессе всевозможные знаки внимания, открыто добиваясь ее расположения. Она старалась не замечать этого, но он лишь становился настойчивее, пытаясь услужить. Дошло до того, что он начал делать ей недвусмысленные намеки. Эльдалин чувствовала, что зайти дальше ему мешает лишь страх перед ее братом.

Алвин... На глаза навернулись слезы при мысли о нем. Алвин терпеть не мог ни Триана, ни Вильму и всегда держал себя с ними подчеркнуто вежливо и холодно, не упуская случая выразить свое презрение к ним, когда это не выходило за рамки этикета. Те не осмеливались отвечать ему тем же, но ненавидели его — Эльдалин это знала. И Алвин, и она неоднократно убеждали отца найти себе нового советника. «Триан безжалостен и расчетлив, а его сын — заносчивый дурак и волокита! — горячился принц. — Отец, как ты можешь слушать этого негодяя?..» Но король Эриенн неизменно отвечал: «Ты несправедлив к нему, сын мой. Триан мудр, опытен и предан трону, и нет среди нашего народа более знающего о внешнем мире». Алвин хмурился и кусал губы, Эльдалин успокаивала брата. А потом...

Потом был праздник по случаю помолвки Алвина и Аристы, дочери Артималя, главы Изумрудного

клана, далеко не последнего по влиянию. Вильма выпил лишнего и позволил себе ряд непристойностей в отношении Аристы; Алвин вмешался и попросил его уйти, Вильма оскорбил принца, тот схватился за меч и... Никто не понял, как это случилось, но вскоре Алвин, превосходно владевший оружием, лежал мертвым на зеркальном паркете, а неуклюжий Вильма вышел победителем из короткой схватки.

Следующие несколько дней Эльдалин не покидала своих покоев, убитая горем. Навещал ее только наставник Итиол, он же и рассказал, что Вильма сидит под стражей. Вышла она лишь по требованию отца, когда в присутствии Алмазного совета и глав кланов Вильма каялся и просил пощады за невольное преступление. «Государь, ты мне как отец! — восклицал он, стоя на коленях у трона. — Алвин был мне почти братом, я виноват, нет мне прощения за убийство брата! Я готов принять любое наказание, но молю о милосердии, не лишай сына и моего отца!»

Триан так унижаться, разумеется, не стал (да Эльдалин и в страшном сне присниться не могла причина, которая заставила бы надменного советника преклонить колени), сказал только: «Государь, причин сомневаться в моей преданности у тебя нет. Верь мне, это была трагическая случайность. Если бы я хоть на мгновение допустил мысль о том, что мой сын умышленно совершил убийство, клянусь, я убил бы его сам!»

Король Эриенн явно поверил в раскаяние Вильмы; Эльдалин же ни на миг не сомневалась в обратном,

но разве ее бы послушали? Сын Триана был освобожден из-под стражи с запретом покидать дворец в ближайший сезон. А уже через день, когда Эльдалин столкнулась с Вильмой в коридоре, тот начал к ней приставать. Принцесса попыталась уйти, но сын Триана крепко схватил ее за руки, прижал к стене, его губы приблизились к ее лицу, она чувствовала его дыхание. Эльдалин завизжала и, рванувшись что было сил, высвободилась, бросилась прочь, слыша за спиной его неприятный смех. Преследовать ее Вильма не стал, но она понимала, что, если останется с ним под одной крышей, это непременно повторится. В тот же вечер она обо всем рассказала отцу, и тот обещал разобраться.

Сидеть безвылазно в своих покоях принцесса не собиралась, но и видеть ни Триана, ни его сына больше не хотела, потому тщательно отслеживала их перемещения по дворцу, чтобы ходить другой дорогой. И все же случайно услышала, как советник отчитывал сына за то, что тот приставал к дочери Эриенна. Однако злился Триан не потому, что Вильма совершил непристойный поступок, а потому, что настраивает против себя принцессу, когда цель еще не достигнута. «Твоя неосторожность может все испортить! — говорил он. — Да, король доверяет мне безоговорочно, но дочь он любит не меньше и может к ней прислушаться! Я все исправлю, но послушаешься меня снова — я забуду, что ты мой сын!» И нахальный Вильма промолчал.

На следующий день отец позвал Эльдалин к себе.

«Вильма признал свою оплошность и готов извиниться» — вот что он сказал.

«Оплошность?! Да если бы я не вырывалась из всех сил, он... ты сам знаешь, что бы он сделал!»

«Ты преувеличиваешь. Он молод, кровь горячая, вот и не сдержал себя. Я не буду удалять их от двора. Я всегда считал, что Триан стал бы лучшим королем после меня, и уступил бы ему трон со временем, не будь у меня детей. Алвин был смышленным, сильным, гордым, и трон достался бы ему, если бы его больше заботило благо страны, а не надуманные оскорбления. Теперь он погиб, и вопрос о преемнике открыт».

«Конечно, потому что они намеренно убили его! Они подстроили все это, как ты не видишь!»

«Эли, ты ослеплена горем, вот тебе и чудится разное. Стал бы Триан рисковать жизнью собственного сына, намеренно отправляя его драться с таким хорошим бойцом, как Алвин? Я тоже скорблю по сыну, но все, что с ним произошло, — случайность. Дуэль была честной, победителя никак нельзя назвать убийцей. Что касается Вильмы и вчерашнего недоразумения, ты ему явно нравишься, и я решил, что устрою вашу свадьбу. Не сейчас, конечно, после траура по Алвину. Это все для твоего же блага».

«Отец! Как ты можешь, он отвратителен!»

«Ты еще юна, вот и рассуждаешь соответственно. Разве то, что ты говоришь, имеет значение? Чувства непостоянны, сегодня ты влюблена в кого-то,

а завтра терпеть его не можешь и так же быстро привыкаешь к тому, на кого смотреть не могла. Мои потомки должны править, я мечтал об этом все эти годы. Сыновей у меня не осталось, тебе я власть передавать не стану, ты бы на престоле долго и не удержалась — стоит объявиться хоть одному подходящему претенденту на трон, как все голоса будут отданы ему, а не неопытной девчонке, и наш род лишится власти. Однако если у вас с Вильмой будут дети, вполне возможно, что один из них однажды станет королем. Уж об этом Триан позаботится, а он всегда добивается того, чего хочет. Я уже решил, свадьбе быть. Ты поймешь, что я был прав, когда повзрослеешь. Благодаря браку с Вильмой ты можешь быть уверена, что твое место во дворце никто не будет оспаривать».

«Я готова жить в самой грязной лачуге, лишь бы не видеть его! Это заговор, неужели ты не понимаешь?!»

«Даже слышать не хочу».

Она плакала и умоляла отца одуматься, но тот оставался непреклонен. Тогда-то принцесса и решилась бежать.

Прерывисто вздохнув и потрепав верного Арелата по холке, Эльдалин взобралась на очередной корень, перегородивший тропу крепостной стеной. Ноги ее подкашивались от усталости, темнота высасывала последние силы, но она продолжала путь, стремясь уйти как можно дальше. Невероятно, но хрупкой

изнеженной принцессе удалось проскользнуть незамеченной мимо бдительной стражи, охранявшей проход в горной цепи вокруг королевства *амдаров*: все-таки не зря наставник Итиол в свое время заставил ученицу запомнить план дворца со всеми входами и выходами, в том числе потайными.

Внезапно Эльдалин остановилась. Неужели справа между деревьями мелькнул огонек? Или ее глаза настолько устали от темноты, что свет теперь мерещится повсюду? Однако, присмотревшись, она убедилась — в чаще и правда горел костер.

«Кого это занесло в такую глушь? — спросила себя Эльдалин и себе же ответила: — Но тебя-то занесло! Почему бы здесь не скрываться еще какому-нибудь беглецу или сумасшедшему? Совсем необязательно везде видеть врагов».

Чтобы приблизиться к огоньку, нужно было сойти с тропы; Эльдалин заколебалась, но потом подумала: «Если все равно не знаешь, куда идешь, заблудиться не страшно» — и свернула направо, ведя за собой Арелата.

Огонек все приближался; вот деревья расступились, и перед Эльдалин открылась укромная полянка. Пламя бросало красноватые отсветы на серую кору старых деревьев, а возле костра на земле кто-то лежал, завернувшись с головой в потрепанный плащ. Виднелись только ноги в дорожных сапогах да рука, сжимавшая обнаженный кинжал.

Под ногой принцессы хрустнула ветка, и лежавший мгновенно вскинулся, отбросив плащ. Эльдалин

увидела совсем еще молодое лицо с правильными чертами и большими, чуть раскосыми глазами. Длинные светлые волосы придерживал на лбу узкий блестящий обруч. Незнакомец явно был готов к бою, но, увидев перед собой девушку, немного расслабился. Чертами лица он походил на сородичей принцессы, но все же казался чужим: слишком резкие черты лица, высокие скулы, да и не бывает у *амдаров* таких темных глаз.

Эльдалин оробела и молча стояла, сжимая повод Арелата, не решаясь сделать шаг ни вперед, к свету, ни назад, во тьму, а незнакомец не сводил с нее глаз, в которых читались изумление и горечь.

— Кто ты? — спросил он вдруг. И принцесса вздрогнула: он говорил на ее языке, языке *амдаров*!..

— Всего лишь странница. Я устала и замерзла, разреши мне погреться у твоего костра.

— Не лучшее место для странствий. Ладно, садись, — он указал кинжалом на ствол поваленного дерева по другую сторону костра и убрал оружие, видимо, окончательно решив, что неожиданная гостья не опасна. — Не дело девушке бродить ночью по лесу одной.

Кое-как справившись со смущением, Эльдалин обошла костер и села на бревно, подстелив сложенный плащ. Стреноживать Арелата она не стала: умный конь хозяйку не оставит. Незнакомец все так же пристально смотрел на девушку, но — странное дело — этот тяжелый оценивающий взгляд не был ей неприятен... Неожиданно юноша криво усмехнулся:

— Вот уж не думал, что встречу в этих местах *амдаров*! Неужели вы наконец решили покинуть свои высокогорные гнезда? Или ты сбежала из дома?

— Почему ты так думаешь? — девушка растерялась от такого прямого вопроса.

— Твое платье не годится для путешествия, оно более уместно во дворце. И твои глаза — в них испуг... Тебя преследуют?

Эльдалин помимо воли вздрогнула — хитрить она никогда не умела; юноша удовлетворенно кивнул.

— Вижу, что угадал. Что же ты натворила? Впрочем, это не мое дело. Как тебя зовут?

— Эльдалин, — принцесса немного успокоилась: ночной странник был дерзок, но это, скорее, говорило об его искренности.

— Эльдалин... — задумчиво повторил он, опустив глаза. — «Песня Света»... — и добавил еще несколько слов, которых девушка не разобрала, но вроде бы это был язык Арденны — главного государства людей. Наставник Итиол тайком обучал принца и принцессу этому языку. Тайком, потому что его ждала бы суровая кара, узнай король об этом...

— А как твое имя? — робко спросила она.

— Хочешь знать его? К чему? Хотя если я спросил твое... Зови меня Ломенар.

— «Пламя Во Тьме»? — Эльдалин изумленно распахнула глаза. — Кто ты? Ты похож на *амдара*, носишь *амдарское* имя, знаешь наш язык... но ты не из нашего народа. Кто же ты? Человек?

— Ни то и ни другое.

— Как это?

— А так. Я полукровка, сын человеческой женщины и *амдара*, — он произнес это с вызовом, но в голосе проскользнула тщательно скрываемая боль.

— Разве это возможно?..

— Как видишь, возможно, Дочь Света, — недружелюбно ответил Ломенар, и Эльдалин поняла, что продолжать этот разговор не стоит.

Некоторое время оба молчали. Костер мирно потрескивал, уплетая сухие веточки, с ним окружающая темнота казалась почти уютной.

— Есть хочешь? — неожиданно спросил Ломенар.

— Да...

Только сейчас Эльдалин ощутила, насколько она голодна. Последний раз она ела еще в своих покоях за несколько долей до побега.

Ломенар выудил из мешка несколько ломтиков жареного мяса на прутиках, пряно и терпко пахнущего травами, и протянул ей.

— Что это за мясо?

— Не знаю, никогда не видел таких зверей, видно, живут они только здесь. Похожи на оленей, только мельче, но, как оказалось, вполне съедобны. Ешь. Золотых блюд и серебряных вилок здесь нет, но выбирать не приходится.

Эльдалин покоробили его последние слова. Очень хотелось резко ему ответить, но она была так голодна, что сдержалась и с аппетитом принялась за еду. Запивала она мясо из фляги Ломенара, в которой